

Богатова Екатерина Борисовна

ДОКУМЕНТНЫЙ ДИСКУРС – "НЕЛЮБИМЫЙ РЕБЁНОК" РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Важность социальной роли документов и их стремительно прогрессирующий количественный рост обусловили актуальность документной проблематики. Однако документный дискурс занимает в лингвистических исследованиях маргинальное положение, его очевидность обнаруживается наиболее осязаемо в сравнении с привилегированным положением художественного дискурса. После исследования причин сложившейся ситуации получена объяснительная модель, включившая факторы социального, концептуального, методологического и интеллектуального характера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 40-43. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81-13

Филологические науки

Важность социальной роли документов и их стремительно прогрессирующий количественный рост обусловили актуальность документной проблематики. Однако документный дискурс занимает в лингвистических исследованиях маргинальное положение, его очевидность обнаруживается наиболее осязаемо в сравнении с привилегированным положением художественного дискурса. После исследования причин сложившейся ситуации получена объяснительная модель, включившая факторы социального, концептуального, методологического и интеллектуального характера.

Ключевые слова и фразы: документ; текст; дискурс; лингвистические исследования; компаративный анализ документного и художественного дискурса; маргинальное положение документного дискурса.

Богатова Екатерина Борисовна

*Забайкальский государственный университет
nuhtel@mail.ru*

ДОКУМЕНТНЫЙ ДИСКУРС – «НЕЛЮБИМЫЙ РЕБЁНОК» РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ[©]

«Нелюбимым ребёнком русской стилистики» языковед Л. А. Булаховский (1888-1961 гг.) назвал документный стиль [Цит. по: 7, с. 4] и поставил тем самым вопрос о маргинальном положении документов в лингвистических исследованиях. Перефразировав в названии статьи его изречение, мы намерены расширить ракурс рассмотрения от стилевого аспекта до дискурсивного, введя в поле зрения все характеристики документов в контексте условий продуцирования и функционирования. Перед фактом исключительной важности той социальной роли, которую документы играют в каждодневной практической жизни, сложившееся в отношении них положение кажется по меньшей мере странным и требует изучения и причинного объяснения.

Решение объяснительных задач связано обычно с трудоёмким исследованием, включающим поиск и отбор релевантных фактов, их описание, интерпретацию и анализ. Поэтому при исследовании такого многоликого, плюралистичного объекта, как документный дискурс, целесообразно использовать метод осреднения, а именно применить обобщающе-идеализирующие процедуры и приёмы аналитической абстракции, то есть воспроизвести лишь оптимум наиболее значимых свойств, черт, особенностей и отвлечься от частных и второстепенных. Исходя же из того, что любое явление обнаруживает себя гораздо рельефнее на контрасте, в оппозиции, весьма продуктивным будет проведение компаративного анализа методом полярной структуры. В качестве объекта сравнения возьмём художественно-литературный дискурс, находящийся на другом «полосе любви». Синтезировав противоположности в едином полотне представления и эксплицировав их принципиальные отличия в проявлении аналогичных свойств, мы получим возможность прийти к наиболее объективным выводам.

Исходная фактуальная структура выглядит следующим образом. Художественная литература неизменно служит центром притяжения интересов лингвистов, и богатство достижений, идей, необъятное количество трудов (статей, книг, диссертаций, монографий) – результат длительного, активного, плодотворного развития филологической традиции. Иная ситуация с документами, они стали объектом изучения лингвистической науки сравнительно недавно. Начало исследований очерчивается второй половиной прошлого столетия, трудно оспорить их явную запоздалость, принимая во внимание хронологическую первородность языка документов: «язык договоров и других документов был именно тем языком, из которого позднее выработался литературный язык» (Г. Я. Солганик) [14, с. 189]; «канцелярский язык – это первая попытка человека овладеть языковой стихией» (Г. О. Винокур) [Цит. по: Там же, с. 190]. Термин *документная лингвистика*, предложенный в середине 1960-х годов профессором Московского государственного историко-архивного института К. Г. Митяевым [15, с. 5], не вошёл пока в широкий обиход, обозначаемая им молодая дисциплина не выработала ещё чётко ведущие постулаты, не развернула широко фронт изысканий. Исследования проводятся главным образом в рамках стилистики, сведения дескриптивного и прикладного характера представлены отдельными главами в литературе общего направления, специальные пособия единичны и появились в самое последнее время.

Причины «документного дальтонизма» лингвистов кроются в первую очередь в монополизации понятия *документ* делопроизводством. Как давняя, дисциплинарно сложившаяся наука делопроизводство реализует лидерские позиции и прерогативное право на документ, инкорпорируя в свою сферу деятельности все касающиеся документов вопросы, в том числе и языковые. Это обстоятельство ставит полномочность лингвистов под сомнение вплоть до делегирования ими своих функций: «изучение жанров канцелярско-делового подстиля составляет предмет особой профессиональной отрасли знания – делопроизводства» (М. Ю. Сидорова) [13, с. 86].

Понятийная матрица документной лингвистики также находится под экспансивным влиянием официальной делопроизводственной парадигмы, которая кодифицирует свои установки в стандартах и учебниках и дефинирует документ как информацию с реквизитами (ГОСТ Р 51141-98), а тексту документа придаёт

статус двадцатого реквизита среди прочих тридцати (ГОСТ Р 6.30-2003). Лингвисты (Л. А. Введенская, Т. М. Веселовская, Л. Р. Дускаева, М. Н. Кожина, М. В. Колтунова, С. П. Кушнерук, М. В. Ларин, Л. Г. Павлова, В. Ф. Янковая и др.) акцентируют «реквизитные» воззрения, правда, препарировав их и вводя в «лингвистические координаты». Они трактуют документ как *набор текстов-реквизитов*, текст документа – как *основной реквизит документа*, как *компонент, часть, основу документа* с характеристиками *содержательная, лингвистическая, письменная, текстовая*. Безусловно, реквизиты документов обладают детерминированными условиями коммуникации, значимостью и особенностями – объёмностью состава, официальностью, определённой местоположения. Но ведь реквизитами снабжаются любые зафиксированные тексты, причём как речевые (романы, рассказы, статьи и пр.), так и графические, музыкальные, поэтому специфика реквизитов не может быть основанием для индивидуализации, вытеснения документов из текстового пространства в особый ареал. Однако лингвистический подход к документу как к тексту реализуется гораздо реже. Таким образом, понятийная структура документной лингвистики «лоскутная», неопределённая, эпистемологические проблемы не решены [3].

Важную роль для лингвистики как эмпирической науки играет доступность источников. Художественная литература представляет собой материал достаточно хорошо обозримый, долговременно используемый, с широкой адресацией, она печатается большими тиражами, её можно приобрести в свободной продаже или получить в библиотечных фондах. Данные условия благоприятствуют широкому использованию художественных произведений в качестве иллюстративного базиса и эмпирической основы теоретических интерпретаций. В то же время документный массив – это, по выражению археографа В. П. Козлова, «сопротивляющаяся среда с тормозящими признаками» [10, с. 18]. Лишь небольшая часть документов обнародуется через СМИ, в подавляющем большинстве они предназначены конкретным адресатам или определённому кругу лиц, продуцируются с ограниченным количеством копий и мигрируют в институционально автономных коммуникациях, в том числе герметически закрытых специальными грифами (*секретно, конфиденциально, ДСП* – для служебного пользования). Цикл «жизни» документов короткий, к архивам свободного доступа нет. Такие условия функционирования документов впоследствии имеют низкую репрезентативность эмпирического материала, это видно уже из того, что он представлен преимущественно узким сектором документов канцелярского жанра, а иллюстративные примеры приводятся порой одни и те же разными авторами и в изданиях разных лет (например, П. В. Веселов 1982 г. [5] и О. И. Замыцкова 2009 г. [8]).

Приведённые обстоятельства налагают ограничения на исследования документов извне воздействием концептуальных и социальных факторов. Рассмотрим внутренние обстоятельства, которые создают условия для лингвистических предпочтений в пользу художественных произведений и оказывают, наоборот, сдерживающее влияние на исследование документов.

Исследование, как любая деятельность, предполагает инициацию активности какими-либо мотивами. В лингвистических изысканиях при выборе объекта исследований преобладают личные научные интересы, то есть действуют субъективные детерминанты, применительно к которым «работает» интенциональная схема объяснения мотивированности, а экспланансом служат дискурсивные характеристики текстов. Последние проявляют себя в функциональном (телеологическом) плане, он определяет сферу бытования, способы отражения действительности, средства выражения смысла.

Художественные произведения осуществляют свою основную эстетическую функцию в зоне духовности и зоне досуга. В них представлена действительность мыслимая, воображаемая, обобщённая образом, спектр её передачи необычайно широк, художественная картина мира каждого отдельного автора-писателя уникальна, манера её изображения оригинальна. Создавая образное видение действительности, писатели используют язык не только как инструмент, но и как предмет творческой деятельности, они преобразуют средства языка и, преодолевая языковые стереотипы, сознательно выходят за границы норм (правда, не абсолютно произвольно, а в пределах требований и законов искусства). Художники слова вскрывают в новаторском поиске всё новые креативные потенции языка и актуализируют их в индивидуальных способах отбора, сочетания, употребления наличных и вновь создаваемых языковых элементов. Смысл они выстраивают сообразно собственной логике и организуют его порой «плетёной» структурой, скрещивая сюжетные линии, вводя лирические отступления, активно включая ассоциативные звенья, допуская пространственные сдвиги, временные перепады и прихотливые тематические переходы. В силу этого содержание многослойно, смыслы символичны, полисемантны, идиостилии разномастны и «неравноможны» в отношении выразительных средств. Данные дискурсивные характеристики предопределяют в качестве устойчивого предмета изысканий отдельные системы – автора, произведение, цикл произведений, жанр, фокусируют методологические интенции на вопросах стиля и трактовке авторского замысла, видения, идей [12, с. 419-423, 487-490, 524-526]. Пространство их потенциально возможных интерпретаций необычайно обширно, что стимулирует неиссякаемый исследовательский интерес.

Документы реализуют ведущую информационную функцию регулятивного и ориентирующего действия в институциональной официальной коммуникации, сфера их бытования – практическая жизнедеятельность. Прагматическая направленность содержания даёт установку на достоверное, объективное отражение фактов реальной действительности и на точное, конкретное, эксплицитное их представление, а официальность коммуникации определяет корректность манеры изложения. Документная форма выражения смысла, в отличие от художественной, принципиально не должна допускать иное, амбивалентное или экзегетичное толкование, напротив, она предназначена обеспечивать однозначность, адекватность интерпретации и беспрепятственность, эффективность коммуникации.

Удовлетворение требований к репрезентации реальности в таком формате достигается точным выбором слов, использованием их предметно-логических и терминологических значений, прозрачным синтаксисом, ясной логической структурой, строгим соблюдением языковых норм и статусно-ролевых коммуникативных норм, отсутствием экспрессивных средств, элиминацией авторских субъективных привнесений и стилистических предпочтений. Таким образом, средства выражения смысла тщательно селекционируются, а способы его выражения втискиваются в жёсткий, рационализированный каркас нормативных предписаний и институциональных императивов, и на первый план выдвигаются семантические, логико-понятийные аспекты. Реализация вышперечисленного набора условий при массовости контингента авторов (не писателей, не мастеров пера) диктует необходимость унификации формы представления содержания. Вследствие этого документы составляют по определённым алгоритмам, образцам, подчиняясь длинному списку обязательных правил, установок и ограничений. Стереотипность формы стала атрибутом документов, их неотъемлемым, неустраняемым и необходимым элементом, она затушёвывает проявление авторской индивидуальности, но значительно облегчает продуцирование содержания составителями и понимание его получателями.

Наряду с деонтологическими и типологическими доминантами форме выражения смысла в документах имманентна особого рода полифоничность. В отличие от художественных текстов, в которых смысл выражается исключительно речевыми конструкциями (цифровое обозначение ограничено пагинацией), документные тексты характеризуются гетерогенным набором языковых конструкций и знаков. Это означает, что в них естественный язык – не единственный, а частный случай кода наряду с искусственными языками и системами условного кодирования (хотя он и главенствующий в силу несамостоятельности альтернативных), и в кодировании содержания наряду со словами применяют цифры, специальные символы и знаки, шифры, пометы. Помимо этого документам присущ композиционный полиморфизм. Если предназначенные для сплошного чтения художественные тексты оформляются монотонной линейной композицией, то условия использования документов предполагают многоальтернативность способов восприятия содержания (ознакомительное, просмотрное, выборочное, изучающее, углубленное). Для их обеспечения необходимо снабдить адресатов визуальными опорами, предоставить возможность лёгкого и быстрого ориентирования в пространстве текста, поэтому большое значение придаётся наглядности формы. Наглядность достигается сложной композицией, позволяющей организовать зрительное восприятие смысловой логики содержания. Средствами композиционирования служат интенсивная фрагментация текста, вариативность и комбинаторика его графики. Этот совокупный инструментарий нашёл в документах весьма плодотворные применения, причём его арсенал в наши дни благодаря компьютерным технологиям значительно обогатился и существенно расширил диапазон наглядности. Так, используются многоуровневые абзацные отступы и разные ритмы межстрочных интервалов, варианты выравнивания текстовых структур на странице и разные способы их размещения – линейно, списком или на плоскости. Чрезвычайно разнообразной стала палитра графических эффектов в виде набора начертаний шрифтов, маркеров рубрикации и др.

В общем случае в документе создаётся диалектически системное целое, расчленённое на множественные разнообразные элементы и в то же время реализующее взаимообусловленность, взаимоадаптированность, сопряжённость языковых, логических и пространственно-графических средств. Качественные характеристики документов указывают на то, что в их исследовании требуется привлечение подходов, основанных на позициях современных семиотических представлений и принципах графического дизайна.

Более того, материал диктует иные, чем в филологии, приоритеты исследовательских задач, обусловленные тем, что составление документов хотя и направляется комплексом правил и предписаний, но полную гарантию их соблюдения само по себе утверждение императивов не даёт, нарушения неизбежны в реальной практике при массовости и разном уровне языковой компетентности авторов. Данное обстоятельство формирует специфическое проблемное поле, концентрирующее исследовательские усилия, прежде всего, на оптимизации способов выражения смысла. Оптимизация предусматривает критический анализ на основе нормативной оценки и устранение за счёт корректирующего вмешательства всех тех недостатков и ошибок (семантических, логических, стилистических, структурных, композиционных, этических), которые препятствуют эффективному выполнению документами своих функций.

Из вышесказанного следует, что хорошо освоенные в филологии методологические образцы герменевтики текстов с их пристальным вниманием к «понимающим процедурам» и толкованию уже готового, «ставшего» текста находят здесь свою границу. В документной лингвистике объектом исследования должен стать процесс становления, создания текста, нужны методы праксеологии, которые ориентированы на решение типичных актуальных проблем продуцирования текста и которые допускают применение с минимумом профессиональной экстраполяции, то есть максимально универсальные. При их разработке требуется фронтальная систематизация наблюдений обобщающего характера с опорой на абстрагирующие извлечения из обширных эмпирических данных. В настоящее время решение оптимизационных задач не обеспечивается в должной мере ввиду следующих причин. Нормирование базируется на демонстрационном методе, критерии нормативной оценки в явном виде не сформулированы, в анализе преобладают позиции *ad hoc* (комментирование отдельных документов, конкретных случаев) и рассматриваются в основном вопросы первого уровня грамотности, окказиональные ошибки, второстепенные явления.

Существуют, кроме того, препятствия семантического плана, которые выводят из сферы исследований профессиональные документы, особенно научно-технические и производственно-технологические. Их специфичное, насыщенное узкопрофессиональной терминологией содержание денотативно не доступно для

лингвистов, поскольку без предметных знаний затруднительно судить о точности смысла, отличить эзотеричность от неопределённости, неоднозначности или нелогичности. Специалисты же зачастую неохотно идут на сотрудничество из-за позитивистских установок, при которых специфичность профессиональной области абсолютизируется, методы считаются исключительными и самодостаточными, и границы своей автономии ревностно охраняются от внешнего вмешательства.

Представленная в биполярной системе картина положения дел показывает устремлённость лингвистической науки к изучению высокой сферы употребления языка и отстранённость от документной проблематики, лежащей в плоскости прагматической необходимости. Как следствие, «в теории и практике документных текстов <...> вопросов, требующих анализа, дискуссий, экспериментов куда как больше, чем ответов и глубоких и надёжных выводов» [11, с. 3]. При этом «отлучение» документов от активных лингвистических исследований порождено не пренебрежением к ним как к второстепенному объекту более низкого ранга, а комплексом причин. Объяснительная модель включила факторы концептуального, социального, методологического и интеллектуального плана:

- 1) компетенции лингвистики в отношении документов концептуально не профилированы, а именно языковые вопросы являются предметом изысканий также другой области знания – делопроизводства;
- 2) документы онтологически ясно не определены, а именно в текстовом пространстве не локализованы, в целостную концепцию теории текстов не включены;
- 3) корпус документов из-за ведомственных и режимных барьеров нерепрезентативен и обладает незначительными потенциями к исследованиям;
- 4) дискурсивные характеристики документов предопределяют особый подход и специфические исследовательские задачи, но требуемый теоретико-методологический инструментарий не сформирован;
- 5) профессиональные документы создают дополнительные препятствия семантического плана.

В заключение отметим необходимость позитивного изменения ситуации, она обусловливается проблемами лингвоэкологии деловой среды и актуализируется стремительно прогрессирующим в последнее десятилетие умножением документных потоков. Волгоградский лингвист С. П. Кушнерук оптимистично полагает, что «документные тексты станут одним из важнейших объектов лингвистического изучения в XXI веке» [Там же, с. 63], добавим, что это запрос, идущий от реалий нашей современности.

Список литературы

1. **Ахмерова Э. С.** Текст как объект лингвистического изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (13). С. 24-27.
2. **Богатова Е. Б.** Философия документного текста // Философия и филология классического текста: сб. статей II международного науч.-практ. конф. МНИЦ ПГСХА. Пенза: РИО ПГСХА, 2011. С. 29-32.
3. **Богатова Е. Б.** Философское осмысление феномена «документ» // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). С. 32-36.
4. **Бочарникова Е. А.** О соотношении понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). Ч. 1. С. 50-52.
5. **Веселов П. В.** Как составить служебный документ. М.: Экономика, 1982. 64 с.
6. **Гетегежева Ф. В.** От текста к дискурсу или от дискурса к тексту // Вестник ПГЛУ. Пятигорск, 2011. № 2. С. 123-127.
7. **Дускаева Л. Р. Протопопова О. В.** Стилистика официально-деловой речи. М.: Академия, 2011. 272 с.
8. **Замыцкова О. И.** Делопроизводство. Изд-е 8-е. Ростов н/Д: Феникс, 2009. С. 111-123.
9. **Карпухина Е. А.** К вопросу о понятии дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 88-90.
10. **Козлов В. П.** Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. 2001. № 1. С. 10-33.
11. **Кушнерук С. П.** Документная лингвистика: русский деловой текст. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1999. 96 с.
12. **Литературный энциклопедический словарь** / под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
13. **Сидорова М. Ю. и др.** Русский язык и культура речи. Изд-е 2-е. М.: Айрис пресс, 2007. 208 с.
14. **Солганик Г. Я.** Стилистика текста. Изд-е 3-е. М.: Флинта; Наука, 2001. 256 с.
15. **Янковая В. Ф.** Документная лингвистика. М.: Академия, 2011. 288 с.

DOCUMENT DISCOURSE – “UNLOVED CHILD” OF RUSSIAN LINGUISTICS

Bogatova Ekaterina Borisovna
Trans-Baikal State University
nuhtel@mail.ru

The importance of documents social role and their rapidly progressive quantitative growth condition the topicality of document problematic. However, the document discourse holds marginal position in linguistic studies; its obviousness is found in comparison with the privileged position of literary discourse. The author having researched the reasons of the current situation obtains the explanatory model, including the factors of social, conceptual, methodological, and intellectual nature.

Key words and phrases: document; text; discourse; linguistic studies; comparative analysis of document and literary discourse; marginal position of document discourse.